

Августъ Стриндбергъ.

(Некрологъ).

Стриндбергъ умеръ на шестьдесятъ четвертомъ году отъ рожденія въ Стокгольмѣ, въ томъ же городѣ, гдѣ онъ и родился.

„Умереть тамъ, гдѣ родился“, и незадолго до смерти испытать публичное признаніе своихъ заслугъ—да, вѣдь, эта схема житейскаго существованія благодарнѣйшаго средняго обывателя!

Но, въ дѣйствительности, какъ совсемъ не похоже, какъ по иному сложилась и прѣ-

шла вся жизнь знаменитаго писателя, полная величайшихъ триумфовъ и наденій.

По отцу—потомокъ одной изъ стариннѣйшихъ шведскихъ купеческихъ фамилій, тѣхъ западныхъ коммерческихъ семей, которыя, насчитывая вѣками свою родословную, родственно и духовно давно уже слиты съ высшими кругами страны.

Со стороны матери—Стриндбергъ сынъ служанки, почти точный прототипъ героя его прославленнаго романа „Сынъ служанки“.

Такъ, съ колыбели еще судьба Стриндберга пошла какъ бы вразрѣзъ съ общепринятыми житейскими традиціями и обычаями.

И человекъ рѣдкостной впечатлительности, искренности, граничащей съ неслыханной откровенностью, съ пламенной вѣчно неспокойной душой, Стриндбергъ всю свою жизнь стремился къ единой цѣли:

— Сказать людямъ о правдѣ жизни, какъ онъ ее понимаетъ и чувствуетъ.

Индивидуализмъ, преклоненіе передъ державными правами личности настолько было „въ крови“ писателя, что даже, призывая въ романѣ „Адъ“ къ смиренію передъ Промысломъ, онъ восклицаетъ:

— Все или, вѣрнѣе, то немного, что я знаю, сводится къ моему „я“, какъ къ своему центру. Если не культъ, то культура этого „я“ является поэтому высшею и конечною цѣлью бытія.

Въ этомъ категорическомъ заявленіи весь Стриндбергъ. Въ одномъ лишь онъ погрѣшилъ противъ самого себя.

Онъ знаетъ отнюдь „не немного“. Напротивъ, онъ былъ однимъ изъ образованнѣйшихъ людей Европы—знатокъ европейскихъ и китайскаго языковъ, медикъ, химикъ (Кюри воспользовался однимъ его открытіемъ), естественникъ, историкъ и философъ.

Все это было плодомъ его кипучей жажды знаній и, можетъ быть, отчасти вынужденной скитальческой жизни по Европѣ, когда родина изгнала писателя, а его книги сжигались рукою палача въ Стокгольмѣ, Берлинѣ и Вѣнѣ.

„Традиція и рутина“ не даромъ прибѣгали къ такимъ средневѣковымъ инквизиторскимъ приемамъ—не было у нихъ злѣйшаго врага, чѣмъ Стриндбергъ, въ сочиненіяхъ котораго подвергнуты жестокой переоцѣнкѣ многія и многія фальшивыя блага современной культуры.

Отношеніе общества къ личности и интимныя переживанія личности, проблема пола и брака, партійная рознь и вопросы быта—ничего не осталось безъ мѣткой, правдивой (хотя порою и парадоксальной) оцѣнки почившаго писателя, истиннаго рыцаря духа и великолѣпнаго мастера художественной, глубоко реальной прозы.

Полная, исчерпывающая характеристика Стриндберга еще,—слѣдуетъ признать,—далеко впереди, ибо онъ одинъ изъ тѣхъ писателей, которые, подобно нашему Достоевскому, не только освѣщаютъ смыслъ современной имъ жизни, но и намѣчаютъ формы новой грядущей общественности. („Голосъ Мос.“)

— Послѣдніе дни Стриндбергъ былъ безъ сознанія и сильно страдалъ. Въ понедѣльникъ вечеромъ, въ промежутокъ краткаго просвѣтлѣнія, умирающій, прощаясь, пожалъ руки своему сыну, дочерямъ, и зятю, гелсингфорскому профессору Смирнову.

Потомъ онъ сказалъ:

— Всему личному скоро конецъ... Я говорю въ послѣдній разъ.

Взявъ со стола Библію, умирающій прижалъ ее къ своей груди и сказалъ:

— Только въ этой книгѣ есть нѣкоторая правда.

Въ самый моментъ смерти у постели больного не было никого изъ родныхъ. Они оставили его спящимъ.

Всѣ газеты выпустили экстренныя прибавленія съ извѣстіемъ о кончинѣ Стриндберга. На всѣхъ общественныхъ и казенныхъ учрежденіяхъ приспущены флаги.

Стриндбергъ просилъ похоронить его въ 8 часовъ утра, безъ участія пастора, безъ рѣчей и пѣнія. Онъ просилъ также не переносить его тѣло въ церковь, а прямо отвезти на кладбище и тамъ похоронить его среди могилъ для бѣдныхъ; не дѣлать съ него маски, а въ гробу положить ему на грудь Библію и крестъ.

Максимъ Горькій, въ своей телеграммѣ съ выраженіемъ скорби о кончинѣ Стриндберга, заявляетъ:

— Никто никогда не имѣлъ на меня такого сильнаго вліянія, какъ Стриндбергъ.

Изъ Стокгольма телеграфируютъ:

Вся скандинавская печать, безъ различія направленій, оплакиваетъ тяжелую утрату, понесенную скандинавской литературой въ лицѣ Стриндберга.

Выраженія соболѣзнованій приходятъ по телеграфу со всѣхъ концовъ міра. („Рус. Сл.“)